

Алексей **ТИМОФЕЕВ**,
кандидат исторических наук

СТОИТ НАД ГОРОЮ АЛЁША

Облик красноармейца, освободителя Балкан

Стоит над горою Алёша —
В Болгарии русский солдат.
И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги
Из камня его гимнастёрка,
Из камня его сапоги...

Константин Ваншенкин

С тех пор как советские солдаты вступили на Балканский полуостров и изгнали оттуда фашистов, прошло уже свыше 65 лет. Даже памятники, которыми когда-то была отмечена их славная поступь, уже стали подтачиваться зубами времени и стараниями недоброжелателей. Однако мы до сих пор так и не знаем, как выглядел советский солдат-освободитель в Южной Европе; в каких условиях он вершил свой воинский долг; какой в действительности, а не на парадных фотографиях была его повседневная жизнь. Эта «социальная» история Второй мировой войны остаётся до сих пор надёжно укрытой уже не архивными запретами (несколько лет назад архив Министерства обороны РФ в Подольске начал активно рассекречивать документы), а многочисленными стереотипами и мифами.

Люди, которые пришли на Балканы в рядах Красной армии осенью 1944 года, сильно отличались от двух волн русского народа, которые прибыли на Балканы до этого: во время Восточного кризиса в России (1875–1878) и после Гражданской войны в (1919–1921). Революция, Гражданская война, установление большевистского режима, претендовавшего на эксклюзивную истину новой идеологии, — всё это привело к изоляции России, выделению её из семьи европейских народов. В конце 1930-х годов большая часть советского населения имела немного реальных представлений о том, как жила остальная Европа.

Переход через советско-румынскую границу, как ни трагикомично это звучит, был для большинства красноармейцев шансом впервые в жизни увидеть Европу и на деле сравнить капитализм и социализм¹. Это настолько беспокоило советских руководителей, что они старались получить как можно более детальные политдонесения всех уровней о том, какое впечатление увиденное про-

изводило на массы. С другой стороны, те же начальники пытались максимально улучшить впечатление, которое сами красноармейцы оказывали на мирное население освобождённых от немцев стран.

Молодость офицерского состава РККА объяснялась колоссальными потерями начала войны, выбившими значительную часть офицерских кадров. Она сразу же бросалась в глаза представителям балканских армий, которые впервые могли видеть «подполковника — командира бригады, двух майоров — командиров полков. Все молодые люди, подполковнику лет двадцать, майору под тридцать, а второму меньше — 25»². Это удивление не могли не заметить и сами молодые офицеры³. Их ускоренная подготовка военных лет компенсировалась богатым боевым опытом. Оказавшимся за рубежом боевым офицерам советская пропаганда пыталась внушить кастовые привычки и манеры⁴.

Молодость, сочетавшаяся с большим боевым опытом, увеличивала самоуверенность, а то и самонадеянность солдат и в особенности офицеров. По отношению к балканским коллегам не могло не быть определённой снисходительности. Негативную роль в этом сыграло и то, что первым балканским воинством, попавшимся на пути наступления РККА, была румынская королевская армия. Румынские вооружённые силы и особенно румынские офицеры не вызывали уважения советских офицеров и до прихода на Балканы. «Боеспособность советского воина и румынского солдата... вообще несравнимы», — считал начальник штаба 3-го Украинского фронта С. П. Иванов. «Румыны сдавались группами, за один вечер был взят в плен целый румынский полк», — вспоминал батальонный комиссар одной из стрелковых дивизий 3-го Украинского фронта А. П. Роменский. На низкую боеспособность румынской армии накладывалась склонность румынских офицеров к использованию пудры для лица, румян, помады, мушек и корсетов⁵.

Быстрая перемена внешнеполитической ориентации румынской и болгарской армий также не внушали к ним уважения со стороны советских офицеров. Советская пропаганда прямо указывала на причины этого. Так, армейская газета 17-й воздушной армии «Защитник Отечества» признавала: «Поки-

нули Гитлера румыны, отказались от него и финны, отвернулись теперь и болгары — уж больно сильны наши удары»⁶.

После заключения союза Румынии с СССР попытки румынских офицеров добиться того, чтобы их приветствовали на улицах младшие по званию, часто приводили к неприятным инцидентам, вплоть до перестрелок⁷. Отношение к первому встретившемуся на пути балканскому воинству стало нормой при формировании отношения к другим армиям полуострова. Офицеры РККА были полностью уверены в своём превосходстве и над болгарскими коллегами: «Ведь это он по возрасту мне в отцы годится, а по сути-то — кто он такой в сравнении со мной? Мы с боями из-под Москвы пришли сюда, а они ещё и не воевали. Я — боевой и опытнейший офицер могучей армий, а он представляет армию заштатного государства, царь которого льстиво прислуживал Гитлеру»⁸, — эти мысли обоснованно витали в головах советских офицеров, встречавшихся с офицерами монархических балканских армий.

Ещё одной общей чертой офицеров и солдат 3-го Украинского фронта, вступивших на землю Балкан, была их общая неизмеримая усталость в результате тяжелейшей физической и психической нагрузки. Слабое сопротивление румынской армии и мгновенная капитуляция болгарской не спасали от многочасовых — около 12 часов в сутки — пеших маршей, которые для защиты от возможного нападения авиации противника приходилось совершать по ночам.

Эта тяжёлая нагрузка сочеталась с гнётom ответственности, если речь шла об офицерах. Для некоторых это бремя оказывалось непосильным. Например, командир 703-го стрелкового полка 233-й дивизии Дмитрий Тимофеевич Нестерук получил от командира дивизии несколько замечаний вследствие неподобающего поведения отдельных солдат его полка во время марша через Румынию. Подавленный физической и психической усталостью молодой офицер, которому было всего двадцать один год, выстрелил себе в висок на обочине дороги, где его труп обнаружили солдаты подразделения, двигавшегося за его полком⁹.

Большинство солдат стойко переносили тяжелейшие физические и психические перегрузки на марше, но усталость порой пре-

возмогла их силы, и доходило до выражения недовольства. Возникший ропот тут же фиксировали парторги частей, оповещавшие вышестоящее начальство. Рядовой 572-го стрелкового полка Иван Наконечный, 21 года от роду, сказал товарищам: «Нас гонят вперёд, как скотину... ночью... не дают нам выпастись или покурить, идём по пыли, грязные, едим на ходу, сёла проходим по ночам...» Рядовой 703-го стрелкового полка Григорий Жужуера заметил: «Всё идём и идём. Не дают нам отдохнуть, как надо. А командиры не разрешают без разрешения выходить из колонны. Когда же этому будет конец?»¹⁰ Физическая и психическая нагрузка была невероятной: например, от своего первого до последнего боя (28 февраля 1942-го — 28 февраля 1945-го) 431-й стрелковый полк прошагал свыше 7000 километров от пригородов Москвы до центра Будапешта.¹¹ И если расстояние можно измерить километрами, то чем измерить состояние глубочайшего стресса, в котором находились солдаты в ходе постоянных боёв, теряя товарищей, под постоянной угрозой гибели или увечья?..

Слово «голод» советские солдаты начали забывать лишь в 1943–1944 годах¹². Но и тогда их питание было трудно представить без трофейных и изъятых у населения продуктов. Вот, например, что входило в официальный рацион танкиста 4-го гвардейского механизированного корпуса под командованием генерала Жданова. В течение недели в сентябре 1944-го бойцы получали: «завтрак — манная каша, обед — борщ с мясом, ужин — чай; завтрак — пшённая каша, обед — суп фасоль с мясом и манная каша, ужин — чай; завтрак — каша-концентрат пшеничный, обед — борщ, ужин — чай; завтрак — ка-

ша пшённая, обед — борщ и галушки с мясом, ужин — чай; завтрак — пшённая каша, обед — суп пшённый, ужин — чай». Количество супа — 1000–1105 граммов, вес второго (если оно было в меню) — 300–329 граммов. Калорийная ценность завтрака — 1298 ккал; обеда — 1422 ккал; ужина (за счёт хлеба) — 500 ккал. При этом ужин часто отсутствовал¹³. Для сравнения отметим, что, по современным рекомендациям Министерства здравоохранения РФ, мужчины в возрасте от 18 до 29 лет, которые занимаются лёгким физическим трудом, должны потреблять в день 2800 ккал. Чуть меньше этого по нормативам должен был получать на кухне гвардеец из корпуса генерала Жданова, находившегося на острие удара 3-го Украинского фронта на Балканах. Но норматив этот не всегда соблюдали, что выяснилось в результате проверок санитарной службы корпуса, которые фиксировали следующее положение дел с питанием бойцов: «Качество приготовления пищи низкое, безвкусное и без должного количества витаминизирующих веществ... Несмотря на отсутствие претензий со стороны личного состава — плохое и недостаточное питание... калорийность пищи недостаточная, вкусовые качества желают много лучшего... Первое блюдо имеет большой вес за счёт воды, но не продуктов, в результате чего теряются его вкусовые качества... Кухни находятся на участках, загрязнённых отбросами и мусором... Машина грязная, котёл немый... Единственная точность и порядок — при выдаче продуктов со склада». На вопросы комиссии о качестве еды жалоб и претензий не поступало, и лишь одиночки на вопрос, хватает ли обеда, заявляли прямо: «Этой баланды хватит»¹⁴. Среди лиц недовольных не качест-

вом, а количеством получаемого официально пайка, встречались не только красноармейцы, но и офицеры¹⁵.

Проблемы были и в обеспечении бойцов одеждой и обувью. Как известно, Красная армия смогла полностью одеть всех военнослужащих в табельную форму лишь в 1926 году¹⁶. После 1941-го вследствие потерь складов, индустриальных мощностей и сырьевой базы в изготовлении формы вновь стали возникать перебои. Доходило даже до нехватки звёздочек на головной убор для рядового состава. Во фронтowych частях форма носила следы починок, холодных ночей у костра, на одежде имелись дырки и пятна неизвестного происхождения. И опять на помощь приходили военные трофеи. Массово использовались немецкие ремни, сапоги, шинели. В вопросе об обмундировании речь шла не только о дефиците или понятных трудностях со снабжением в военно-полевых условиях, но и о своеобразном равнодушии к личному имуществу вследствие постоянной реальной угрозы самой жизни человека, непредсказуемой опасности, подстерегавшей бойцов на каждом шагу¹⁷.

Эти общие для РККА явления присутствовали и в советских частях, которые пришли на Балканы. Обилие трофейной одежды вместо униформы, нехватка обуви, нижнего белья, подсумков и ранцев, вследствие чего боеприпасы приходилось носить в карманах, были проблемой 233-й стрелковой дивизии и на Украине, и в Молдавии, и на Балканах¹⁸. Начальник штаба 52-й стрелковой дивизии отмечал, что «офицерский состав не приветствует старших начальных, внешний вид не удовлетворительный... большинство офицерского состава без поясных ремней, головные уборы разнообразные, вплоть до сеток, воротники расстёгнуты, офицеры не бриты... Командиры подразделений и частей совсем не уделяют внимания внешнему воинскому виду и воинской дисциплине, первыми нарушителями воинской дисциплины являются офицеры», и настаивал на том, что хотя бы офицеры (!) должны обязательно носить форменные звёздочки, ремни и погоны. Отдельные бойцы носили винтовки не на брезентовом ремне, а на верёвке или даже ... телефонном кабеле. В ноябре 1944 года командир 52-й дивизии генерал Миляев констатировал, что ситуация не изменилась: вместо ушанки его подчинённые носили кубанки, папахи неустановленной формы, немецкое обмундирование — «всё можно найти на офицере и бойце дивизии!» При этом офицерский состав дивизии не преследовал нарушителей среди подчинённых и сам нарушал форму одежды¹⁹. В РККА служили и женщины, для которых проблема с обмундированием была ещё острее. И без того неженственная форма была мешковатой и малоподобной. Оценивая внешний вид служащих в армии лиц женского пола, генерал Жданов пришёл к выводу, что они «плохо одеты, обувь

Скромный ужин после ратного подвига.

не пригнана к ноге, большая часть девушек не имеет для смены гражданского платья и туфель, а также не имеет предметов туалета»²⁰.

Небоевая военная техника также была достаточно пёстрой. Например, в корпусе генерала Жданова 65 процентов транспортных средств были трофейного происхождения. Среди остального транспорта доминировала продукция, приобретённая СССР по ленд-лизу. В результате в 4-м мехкорпусе присутствовало 97 типов различных небоевых механических транспортных средств: «татры» и «мерседесы», «опели» и «кубельвагены», «шевроле» и «студебекеры», «джемси» и немецкие «форды»²¹.

При изучении штабных документов частей 3-го Украинского в глаза бросается и другой дефицит, мучивший эти соединения осенью 1944-го: нехватка бумаги и печатных машинок. Большое число донесений, в том числе секретных и строго секретных, печаталось на оборотной стороне немецких карт, трофейных документов и других бумаг самого разного происхождения. Нехватка печатных машинок решалась за счёт изъятия их в местных канцеляриях. Их изымали не только в Болгарии, где алфавит совпадает с русским, но и в Сербии, где азбука несколько отличается от русской. Следы работы этих машинок, где буква «ль» заменяла «я», «ѣ» использовали вместо «ь», «ѣ» — «ь», «ы» — «ь», исчезли лишь на территории Австрии и Венгрии, так как к тому времени умельцы из мастерских провели успешную русификацию этих «иностранных».

Тяжёлые условия жизни, усталость и состояние боевого стресса солдаты и офицеры РККА пытались смягчить с помощью алкоголя. Кроме боевой порции спиртного (100 граммов водки или 300 граммов вина), красноармейцы искали и другие источники столь немудрёной солдатской радости. Иногда это приводило к трагедиям. Например, на территории Болгарии Красная армия понесла серьёзные потери после того, как 14 сентября на складах в городе Бургас были обнаружены склады, где стояли бочки со спиртом. Командир полка майор Приходько в присутствии заместителя командира полка по политической части Рысина вызвал старшего лейтенанта медслужбы Дьяченко и приказал ему провести экспресс-анализ пригодности спирта к употреблению, сказав: «Вы врач, выпейте и скажите, что это». Дьяченко отказался пить спирт и выехал для проверки качества спирта на склад. Склад был взят под охрану только утром 17 сентября, когда выяснилось, что спирт в бочках не подлежит внутреннему использованию. В результате за 16–19 сентября в составе гарнизона Бургаса от отравления метиловым спиртом пострадали около 190 человек, обратились за медицинской помощью 154 бойцов и командиров, 120 были госпитализированы, 6 ослепли и 42 умерли. Этот трагический баланс пребывания РККА в Бургасе подвели военный

С жителями освобождённого Белграда.

следователь 4-го мехкорпуса майор Шмуклер, главный медицинский эксперт Шпиганович и начальник военсанупра 3-го Украинского фронта Неймарк²².

Обнаружение на пути следования частей крупных запасов алкоголя могло привести к непредсказуемым последствиям и требовало незамедлительных мер. Части 31-го стрелкового корпуса 46-й армии 2-го Украинского фронта перешли 20 сентября 1944 года границу Сербии в Банате²³. Радостные от встречи с освободителями местные жители отвели нескольких солдат и офицеров на старинную фабрику ликёров «Келико», находящуюся неподалёку от города Яша-Томич (Модош). Слух об этом быстро распространился, и в результате у подвалов фабрики собралось множество людей. Огромные дубовые бочки открывали выстрелами, чтобы набрать живительной влаги в канистры из-под бензина, ведра, фляжки и котелки. Бетонные подвалы оказались затопленными пролившимся спиртным. Конец празднеству положил прибывший в сопровождении нескольких автоматчиков офицер, который поджёг склад, чтобы прекратить дебош, начавший срывать планы наступления²⁴. Злоупотребление выпивкой стало одним из наиболее частых проступков солдат и офицеров РККА, которые наказывались сравнительно умеренно. Это приводило к тому, что пьянствовали иногда даже парторги, которые должны были по своей функции заниматься борьбой «с бытовым разложением». Попытки некоторых партийных руководителей применить в жизнь русскую поговорку «кто пьян да умён — два угодя в том» приобретала порой комичные черты. Так, например 29 октября 1944 года начальник политотдела 57-й армии полковник Георгий Карпович Цинёв (впоследствии близкий соратник «дорогого Леонида Ильича») риторически восклицал в письменном нагоняе своему подчинённому, подполковнику Кокко-

реву, начальнику политотдела 52-й стрелковой дивизии: «Тов. Кокорев! Разве пьяному можно давать политпоручения?»²⁵ Иногда в результате потери нетрезвыми товарищами контроля над собой пьянство приводило к серьёзным последствиям: дебошам, дракам, неподчинению вышестоящему начальству, ДТП, насилию над женщинами²⁶.

Проблему личной жизни усталых, но молодых солдат и офицеров в Красной армии формально пытались решить насильственным воздержанием, в отличие от англо-американцев и немцев, использовавших для решения этой проблемы «дома любви» и регулярные отпуска. Следствием этой политики были достаточно условные, но всё же имевшие место санкции против забеременевших военнослужащих женщин и куда более строгие меры против солдат и офицеров, заразившихся венерическими заболеваниями. Особо отметим, что по донесениям медицинских служб 3-го Украинского фронта случаи заболевания различными болезнями среди военнослужащих РККА были крайне редки. Возросло число заболевших кожно-венерологическими заболеваниями лишь после прибытия в Румынию, что представители санитарных служб оправданно связывали с широким распространением в этой стране проституции и легальных публичных домов²⁷.

В результате после вхождения советских частей в крупные города командование корпусов и дивизий, обеспокоенное моралью и здоровьем красноармейцев, издавало приказы о «срочном закрытии публичных домов и запрещении продажи алкоголя военнослужащим Красной армии»²⁸.

По мнению политорганов РККА, худшее, что могло приключиться с советским офицером за рубежом, это связь с иностранной гражданкой. «От местных женщин бежать, как от отравы... беречься и бояться заразы»; «Кто друг, а кто враг? Это сразу нельзя определить, и даже открытый и на вид прямой взгляд собеседника может быть маской, скрывающей чёрные мысли. Русский офицер, если он твёрдо помнит свой долг, должен всегда быть настороже...»; «Беречься за границей женщин...» — этими наставлениями пропагандисты пытались помешать роковому сближению местных женщин и красноармейцев²⁹. В качестве иллюстрации такого подхода можно привести упрёк командира танковой бригады 4-го мехкорпуса полковника Жукова, который в письменной форме был адресован начальнику медицинской службы бригады Г. Ф. Стерлигову в связи с тем, что тот, манкируя службой, «кадры не растит, над повышением их знаний не работал», пьянствовал и вёл себя неподобающе. Негодуя по поводу поведения майора медицинской службы, комбриг в ярости писал: «Я неоднократно предупреждал Вас, вооружившись последним терпением, с тем, чтобы Вы поняли и не уронили своего высокого офицерского

достоинства, но вы вместо этого в последних боях занялись пьянкой и хуже того, вступили в интимную связь с венгерской женщиной, проживающей в с. Коминдин, к которой Вы почти каждую ночь едете на санитарной машине из с. Палд. Вы, советский офицер в звании майор, пали перед этой, Вам неизвестной женщиной, только в силу потери Вами чувств ответственности перед Родиной и своего собственного достоинства...»³⁰ Случаи сожительства офицеров с подчинёнными им женщинами-военнослужащими редко фиксируются в доступных документах, поскольку не относились к числу строго санкционируемых деяний³¹.

Необходимо подчеркнуть, что среди красноармейцев, побывавших на территории Балкан, случаи насилия, краж, грабежей и тем более убийств мирного населения были редки и строго карались военными властями. К малообоснованным выдумкам стоит отнести идеи западной историографии о том, что существовала чуть ли не официальная поддержка насилию красноармейцев над мирным населением как форма мести, поддержания боевого духа или способ удовлетворения материальных потребностей³². Советское командование твёрдо отдавало себе отчёт в том, что «наличие отдельных аморальных явлений в войсках армии, как-то: пьянство и дебош, убийство граждан нашими военнослужащими, изнасилование женщин, воровство, — всё это оставляет нехорошее впечатление на отдельные слои населения»³³, и жёстко с такими явлениями боролась.

Оценить общее число подобных случаев сравнительно тяжело. Согласно секретной справке, подготовленной для Йосипа Броз Тито в 1955 году органами госбезопасности Югославии, «отдельные офицеры и солдаты Красной армии совершили преступления на территории ФНРЮ в 1944–1945 годах (зафиксировано 1219 изнасилований, 359 попыток изнасилований, 111 изнасилований с убийствами, 248 изнасилований с попыткой убийства, 1204 случая грабежа с телесными повреждениями)»³⁴. Материалы, связанные с преступлениями военнослужащих РККА, от-

носятся к числу информации, не подлежащей разглашению, и недоступны исследователям, работающим в ЦАМО РФ. Однако сводки событий из недоступных материалов военной прокуратуры хранятся в открытых фондах политотделов соединений, что не даёт возможности провести статистический анализ, но позволяет составить представление о природе этих явлений.

Сразу бросается в глаза, что командование делало всё возможное для прекращения этих правонарушений. При этом предпринимались как превентивные, так и пенитенциарные меры. Большую активность проявляли все партийные и политические органы, чтобы объяснить всю пагубность таких поступков для репутации Советского государства и чести живых и павших воинов, которые считали себя освободителями, а не насильниками и грабителями. В качестве профилактики также широко освещали наказания, которые грозили солдатам и офицерам, нарушавшим законы. К пенитенциарным мерам относились бескомпромиссные и срочные меры по разысканию и нахождению преступников по действовавшему Уголовному кодексу РСФСР редакции 1926 года. Наказания могли быть самыми различными — от расстрела за тяжкие преступления (намеренное убийство в целях грабежа или изнасилования) и воинские преступления (дезертирство и самострел) до тюремного наказания сроком от года до десяти лет за непреднамеренное убийство, изнасилование, воровство, драки и прочее. В случае, если речь не шла о воинских преступлениях, осуждённые мог надеяться на то, что тюремное заключение будет заменено сроком в штрафном батальоне. За совершение тяжких преступлений против гражданских лиц осуждённый лишался звания и наград, а затем наказывался по всей строгости закона.

Отдельные преступления, совершённые красноармейцами на территории Югославии, составляли редкое исключение по сравнению с происходившим на территории Венгрии и особенно Германии³⁵. Главным тормозом проступков против местного населения было

осуждение криминального поведения самим армейским коллективом так же, как это было и на территории СССР. Командиры и красноармейцы явно осуждали и сообщали «куда следует» о преступлениях, совершённых их товарищами в Болгарии и Сербии, в то время как в Венгрии и Австрии такого острого неформального осуждения не наблюдалось³⁶. Поэтому не случайно, что насилия и грабежи в Югославии совершили те солдаты и офицеры, которые по роду службы оказывались вне коллектива и не имели морального ограничения со стороны самой армейской среды. Криминальные инциденты не были столь распространены, как это со смакованием описывали югославские пропагандисты времён конфликта Сталин–Тито³⁷. Можно, конечно, соотнести время — около двух месяцев — пребывания на территории Югославии основной массы красноармейцев (300 тысяч человек) с данными из справки, подготовленной для Тито о числе уголовных преступлений. Среднемесячный показатель даже для группы молодых мужчин в возрасте 19–30 лет окажется при этом сравнительно высоким, если сравнить его с такими же современными данными, не говоря уже о середине прошлого века, когда уровень преступности был ниже. Однако и в этом случае речь пойдёт о долях процентов среди многих тысяч честных людей, многие из которых пожертвовали своей жизнью ради освобождения Балкан от фашистского ига.

Тяжелее, чтобы не сказать жестокие, материальные условия характеризовали жизнь рядового, да и командного состава Красной армии даже на исходе войны — в конце 1944 года. Осознание деталей этого спартанского образа жизни, суровых реалий тогдашней повседневности не может не вселить ещё большего уважения к людям, которые в этих условиях смогли не просто выжить, но и победить отлаженную военную машину нацизма, опирающуюся на ресурсы всех оккупированных стран Европы.

г. Белград
Фотографии из архива
Военного музея (Белград)

Примечания

1. Слуцкий Б. Записки о войне// О других и о себе. М. 2005. С. 28–35.
2. Пилетић В. Судбина српског официра. Крагујевац. 2002. С. 109.
3. Михин П. А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» Мы умирали, чтобы победить. М. 2006. С. 370.
4. Кривицкий А. Русский офицер за рубежом. М. 1946.
5. Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М. 1990. С. 434; Роменский А. П. Глазами и сердцем солдата. М. 1979. С. 108; Воронов Н. Н. На службе военной. М. 1963. С. 162–163.
6. Скомоорохов Н. М. Боем живёт истребитель. М. 1975. С. 189.
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 57А. Д. 16. Л. 138; пилот Маслов Леонид Захарович. <http://www.iremember.ru/content/view/398/51/lang.ru/>.
8. Михин П. А. Указ. соч. С. 370; Pavlović M., Očevidač Gradanskog rata u Srbiji//

Istorija 20. veka. 2007. № 1. С. 183.
9. ЦАМО РФ. Ф. 233 сд. Д. 93. Л. 174.
10. Там же. Л. 163.
11. Там же. Ф. 431 сп. Д. 1. Л. 1. «Журнал боевых действий 431 сп».
12. Слуцкий Б. Указ. Соч. С. 28–32.
13. ЦАМО РФ. Ф. 4 гвмк.
Д. 377. «Медицинские донесения корпусного врача». Л. 16.
14. Там же. Л. 15.
15. Там же. Ф. 52 сд. Д. 105. Л. 218; Ф. 233 сд. Д. 93. Л. 182.
16. Шалито А., Савченков И., Рогинский Н., Цыплёнов К. Униформа Красной армии. М. 2001. С. 9.
17. Скомоорохов Н. М. Указ. соч. С. 122, 183; Липатов П. Униформа Красной Армии. Знаки различия, обмундирование, снаряжение сухопутных войск Красной Армии и войск НКВД 1936–1945 гг. М. 2001. С. 41–65.
18. ЦАМО РФ. Ф. 233 сд. Д. 34, 35, 93. Л. 163, 164, 213.
19. Там же. Ф. 52 сд. Д. 36. Л. 2, 46, 49, 71, 77.

20. Там же. Ф. 4 гвмк. Д. 164. Л. 482.
21. Толубко В. Ф., Барышев Н. И. От Видина до Белграда. Историко-мемуарный очерк о боевых действиях советских танкистов в Белградской операции. М. 1968. С. 20.
22. ЦАМО РФ. Ф. 4 гвмк.
Д. 377. «Медицинские донесения корпусного врача». Л. 17, 30.
23. Там же. Ф. 46А. Д. 435. Л. 31.
24. Đukanov M. Kratka monografija Jaša Tomića: 1334–1978. Jaša Tomić. 1980.
25. ЦАМО РФ. Ф. 52 сд. Д. 105. Л. 189–191.
26. Там же. Ф. 4 гвмк. Д. 164. Л. 26, 101, 496, 516, 716; Д. 377. Л. 30, 83; Там же. Ф. 68 ск. Д. 240; Ф. 233 сд. Д. 93. Л. 171, 174, 181, 182; Д. 140. Л. 182; Ф. 52 сд. Д. 35. Л. 71, 92; Д. 36. Л. 26, 44.
27. Там же. Ф. 4 гвмк. Д. 377. Л. 32–146.
28. Там же. Д. 164. Л. 642, 650.
29. Кривицкий А. Указ. соч.
30. ЦАМО РФ. Ф. 4 гвмк. Д. 164. Л. 102.
31. Там же. Ф. 52 сд. Д. 105. Л. 130, 169; Ф. 233 сд. Д. 93. Л. 211.
32. Беддекер Г. Горе побеждённым:

Беженцы III Рейха, 1944–1945. М. 2006; Гофман И. Сталинская война на уничтожение: Планирование, осуществление, документы. М. 2006; Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М. 2005; Fisch V. Nemmersdorf, Oktober 1944. Was in Ostpreussen tatsächlich geschah. Berlin. 1997; Hastings M. Armageddon: The Battle for Germany 1945. London. 2004.
33. ЦАМО РФ. Ф. 57А. Д. 416. Л. 138.
34. Архив Југославије. Архив Ј. В. Тита. Kabinet predsednika republike. I-3-a (SSSR). К. 170, Poseta državno-partijske delegacije SSSR-a na čelu sa N. S. Hruščovom 26.5.–3.6.1955. Informativno-politički materijal. L. 574.
35. Петров И. Неммерсдорф: Между правдой и пропагандой// Великая оболганная война-2. Нам не за что каяться! М. 2008.
36. Слуцкий Б. Указ. соч. С. 101.
37. Ubijeni ljudski obziri. Zločinstva crvenoarmejaca u Jugoslaviji. Sarajevo (?). 1953 (?).